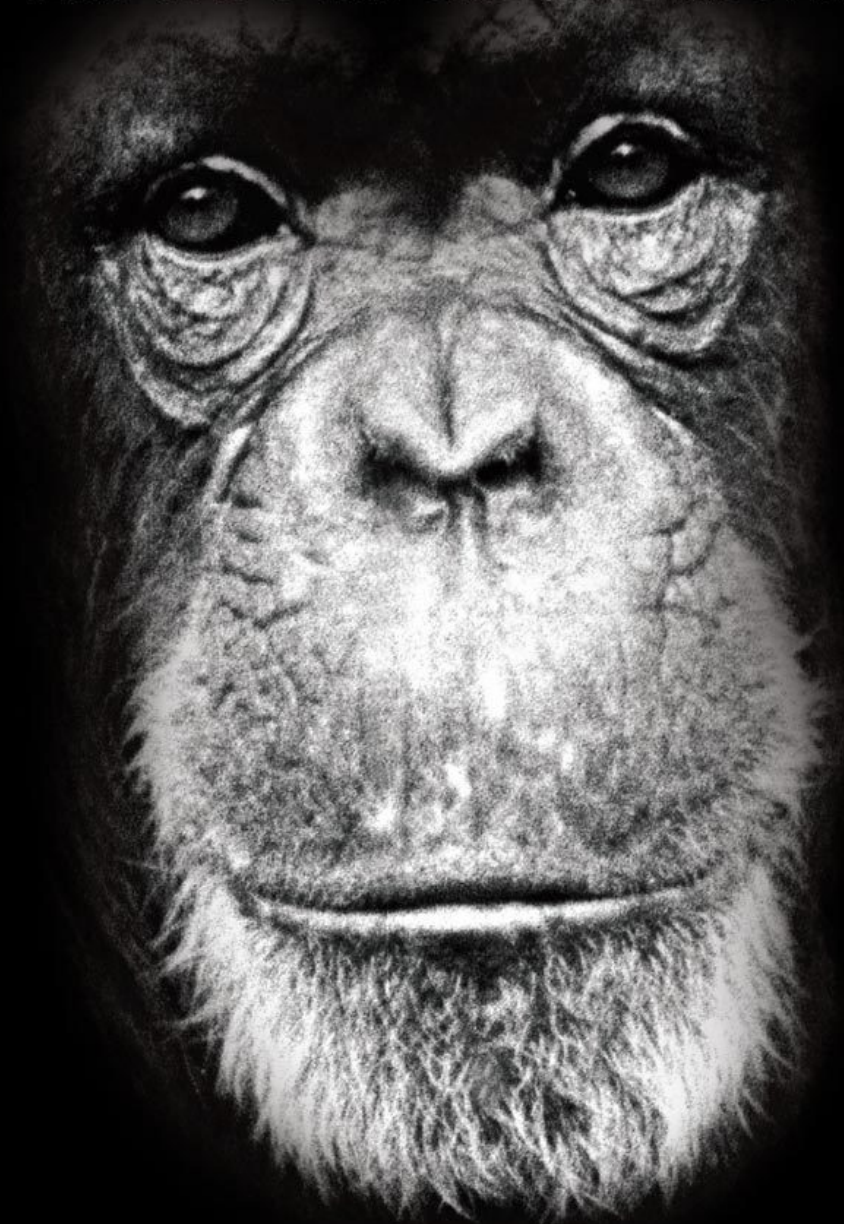

БЕСТСЕЛЛЕР *THE NEW YORK TIMES*

ПОСЛЕДНЕЕ ОБЪЯТИЕ МАМЫ

ЧЕМУ НАС УЧАТ ЭМОЦИИ ЖИВОТНЫХ

ФРАНС ДЕ ВААЛЬ

АН АЛЬПИНА
НОН-ФИКШН

Книжные проекты
Дмитрия Зимина

Франс де Вааль

Последнее объятие Мамы

«Альпина Диджитал»

2019

де Вааль Ф.

Последнее объятие Мама / Ф. де Вааль — «Альпина Диджитал», 2019

Испытывают ли животные гордость, стыд, вину или отвращение, как и мы, люди? Есть ли у них чувство справедливости и благодарности? Могут ли собаки смеяться и скорбеть, способны ли слоны утешать друг друга, а обезьяны завидовать, плести интриги и выстраивать планы мести? Чувствуют ли боль рыбы и умеют ли любить птицы? Что общего в поведении альфа-самцов шимпанзе и современных политиков? В этой доброй и умной книге, помимо трогательной истории шимпанзе по имени Мама, известный приматолог Франс де Вааль рассказывает о своих многочисленных наблюдениях и экспериментах, посвященных изучению эмоций самых разных животных. Наряду с гневом и ненавистью, приводящими даже к преднамеренному убийству себе подобных, животные обнаруживают удивительную способность к состраданию, примирению и прощению. Они, как и мы, способны к эмпатии, взаимопомощи и тесному социальному взаимодействию. Автор рассматривает чувства человека в эволюционном контексте как прямое продолжение эмоций животных и призывает осознать нашу неразрывную связь со всеми существами на планете и в конечном счете лучше понять самих себя.

© де Вааль Ф., 2019

© Альпина Диджитал, 2019

Содержание

Пролог	7
1. Последнее объятие мамы	14
В обезьянах мы узнаём себя	16
Главенствующая роль Мамы	21
Альфа-самка	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Франс де Вааль

Последнее объятие Мамы

Чему нас учат эмоции животных

Переводчик Мария Десятова

Научный консультант Зоя Зорина, д-р биол. наук

Редактор Валентина Бологова, канд. биол. наук

Иллюстрации Хадии Улумбековой

Руководитель проекта И. Серёгина

Корректоры И. Астапкина, О. Петрова

Компьютерная верстка А. Фоминов

Дизайн обложки Ю. Буга

В книге использованы фотографии и рисунки автора

© Frans de Waal, 2019

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2020

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Катрин, умеющей меня зажесть

Книжные проекты
Дмитрия Зими́на

Эта книга издана в рамках программы «Книжные проекты Дмитрия Зими́на» и продолжает серию «Библиотека «Династия». Дмитрий Борисович Зимин – основатель компании «Вымпелком» (Beeline), фонда некоммерческих программ «Династия» и фонда «Московское время».

Программа «Книжные проекты Дмитрия Зимина» объединяет три проекта, хорошо знакомые читательской аудитории: издание научно-популярных переводных книг «Библиотека «Династия», издательское направление фонда «Московское время» и премию в области русскоязычной научно-популярной литературы «Просветитель».

Подробную информацию о «Книжных проектах Дмитрия Зимина» вы найдете на сайте ziminbookprojects.ru.

Пролог

Наблюдать за поведением окружающих всегда было для меня делом настолько естественным, что иногда я, кажется, слегка увлекаюсь. Я об этом не догадывался, пока однажды не рассказал маме о наблюдении, сделанном в междугороднем автобусе. Мне тогда было лет двенадцать. В автобусе целовались парень с девушкой – смачно и взасос, как это принято у подростков, широко раскрывая рот и заглатывая едва ли не пол-лица. И это бы ладно, но я вдруг заметил, что девушка жуёт жвачку, хотя до поцелуя жевал только парень. Я озадачился, но быстро сообразил – ну да, это ведь как в сообщающихся сосудах. Однако маму мое открытие почему-то не порадовало. Обеспокоившись, она велела мне больше так пристально людей не разглядывать, это, мол, неприлично.

Теперь наблюдение – это моя профессия. Это, правда, вовсе не означает, что я запомню цвет платья или замечу у кого-то накладку на лысине – такие вещи меня совершенно не интересуют. Я наблюдаю за проявлениями эмоций, за языком тела, за социальным взаимодействием. Человек настолько схож в этом с другими приматами, что мои наблюдения в равной степени применимы к ним всем, хотя работа моя связана в основном со вторыми. В студенческие годы я работал в помещении, окна которого выходили на вольер с шимпанзе, и последние двадцать пять лет, что я тружусь в Национальном центре изучения приматов Йеркса под Атлантой (Джорджия), я наблюдаю похожую картину. Мои шимпанзе живут под открытым небом, на полевой станции, и время от времени, когда у них начинается шумный переполох, мы все кидаемся к окнам. В том, что большинству людей может показаться хаосом и суматохой, когда двадцать косматых зверюг беспорядочно гоняются друг за другом с воплями и визгом, – на самом деле просматриваются черты высокоорганизованного сообщества.

В обезьяньей колонии мы различаем всех подопечных не только «в лицо», но даже по голосу, поэтому знаем, чего от них ждать. Нельзя вести наблюдение, не отслеживая, какие паттерны¹ включены в поведение, иначе само наблюдение будет бессистемным и поверхностным. Это примерно как смотреть спортивную игру, в которой ты ничего не понимаешь. Смотреть – и ничего не видеть. За это я очень не люблю американские телетрансляции международных футбольных матчей: комментаторы в большинстве своем – новички в этой области и стратегических замыслов выявить не в состоянии. Они следят только за мячом и в решающие моменты, вместо того чтобы помолчать, продолжают молоть языком. Вот что бывает, когда мы не распознаём паттерны поведения.

Важно видеть то, что происходит за кадром. Если один самец шимпанзе запугивает другого, швыряясь камнями или с разбега проносясь на волосок от него, нужно отвести взгляд от этих двоих и посмотреть вокруг – обнаружатся интересные подробности. Я называю это комплексным наблюдением, когда принимается во внимание расширенный контекст. Если лучший друг запугиваемого мирно спит в углу, это не значит, что на него можно не обращать внимания. Вот он просыпается, топает к первым двум – и вся колония понимает: сейчас начнется. Одна из самок предупреждает остальных громким ревом, матери подтаскивают малышей поближе и прижимают к себе.

И не спешите отворачиваться, когда потасовка закончится. Следите за главными действующими лицами – выяснение отношений еще не завершилось. Я наблюдал тысячи примирений, но до сих пор помню одно из первых, оказавшееся для меня полной неожиданностью. Почти сразу после схватки двое самцов-соперников двинулись друг к другу – выпрямившись в полный рост и вздыбив всю шерсть, то есть визуально увеличившись в размерах почти вдвое. При этом они смотрели друг другу в глаза с такой яростью, что впору было ожидать второго раунда

¹ Паттерны – наследственно обусловленные, видоспецифические фиксированные комплексы действий. – *Прим. науч. ред.*

драки. Но когда они сблизились, один вдруг развернулся и подставил другому зад. Второй принялся вычесывать шерсть вокруг ануса первого, громко чмокая губами и щелкая зубами в знак усердия. Поскольку первому потребовалось проделать то же самое, они сплелись в неуклюжий узел, чтобы вычесывать зад друг у друга одновременно. Однако довольно скоро расплелись, и каждый занялся шерстью вокруг морды своего визави. Мир был восстановлен.

Во время примирения после схватки самцы шимпанзе стремятся вычесывать шерсть на заднем боку недавнего противника, и, поскольку оба пытаются сделать это одновременно, им приходится сплетаться в немыслимый узел

Казалось бы, странно, что первым делом у бывшего противника начинают вычесывать именно зад, но давайте вспомним существующие во многих языках выражения типа «лизать задницу». Они возникли неспроста. У человека сильный испуг может вызвать рвоту и понос, поэтому о струсившем говорят, что он «наделал в штаны». То же самое происходит и у обезьян – за вычетом штанов. Испражнения могут рассказать о многом. Вот самец шимпанзе,

когда стычка уже давно закончилась, как бы невзначай подбирается к оставленной соперником вмятине в траве и, наклонившись, принюхивается. Хотя зрение у шимпанзе преобладает над остальными чувствами примерно в той же степени, что и у нас, обонянию все же отводится важная роль.

Представители нашего собственного вида, как показывают съемки скрытой камерой, обменявшись рукопожатием – особенно с человеком своего же пола, – часто нюхают ладонь. Небрежно взмахнув кистью перед носом, мы посылаем рецепторам поток сведений о настроении человека, пожавшего нам руку. Мы проделываем это бессознательно, как и многое другое, сближающее нас в поведенческом отношении с остальными приматами. При этом себя мы считаем существами разумными, действующими осмысленно, а поведение других видов преподносим как механическое. На самом деле все не так просто.

Мы постоянно отслеживаем собственные чувства, но загвоздка в том, что наши эмоции и чувства – это не одно и то же. Мы норовим их объединить, хотя чувства – это внутреннее субъективное состояние, известное, строго говоря, только тому, кто их испытывает. Я осознаю собственные чувства, а о ваших узнаю лишь с ваших же слов. Чувства мы передаем вербально. Эмоции же представляют собой и физическое состояние, и психическое – от злости и страха до полового влечения, сочувствия, стремления доминировать, – которые обуславливают наше поведение. Вызываемые тем или иным стимулом и сопровождаемые поведенческими изменениями, эмоции получают внешнее проявление – в мимике, изменении тона кожи, тембре голоса, жестах, запахе и так далее. И только когда человек отдаст себе отчет в происходящих с ним переменах, эмоции превратятся в чувства, то есть в осознанные переживания. Мы выражаем эмоции, но описываем чувства.

Возьмем примирение или восстановление дружеских отношений после ссоры. Примирение – это измеримое эмоциональное взаимодействие. Чтобы его отследить, вам как наблюдателю понадобится только запастись терпением, дождаться и посмотреть, что произойдет между бывшими противниками. Но чувства, которыми это примирение сопровождается – раскаяние, прощение, облегчение на душе, – известны лишь тому, кто их испытывает. Вам кажется, будто другие испытывают абсолютно то же, что и вы, но утверждать это наверняка даже по отношению к представителям своего собственного вида нельзя. Допустим, человек заявляет, что простил, но можно ли доверять его словам? Сколько раз нам, несмотря на все заверения, припоминали якобы прощенную обиду. Мы не до конца понимаем свое внутреннее состояние и зачастую вводим в заблуждение и себя, и окружающих. Мы большие мастера изображать радость, подавлять страх и запутываться в любви. Поэтому я рад, что работаю с бессловесными существами. Об их чувствах я могу только догадываться, но, по крайней мере, обезьяны не сбьют меня с толку словесными описаниями.

В исследовании человеческой психологии принято полагаться на анкетирование, то есть основной упор делается на описание чувств, а не на поведение как таковое. Я же предпочитаю противоположный подход. Нам нужно больше наблюдать за непосредственным взаимодействием в человеческом обществе. Для иллюстрации давайте перенесемся на крупную конференцию в Италии, на которой я побывал много лет назад, когда делал самые первые шаги в науке. Приехав рассказывать о разрешении конфликтов у приматов, я никак не ожидал, что мне подкинут идеальный пример на ту же тему из области человеческих взаимоотношений. Один из участников конференции вел себя как никто на моей памяти прежде и мало кто после. Возможно, все дело в том, что он был известным ученым, причем англоязычным. На международных встречах американцам и британцам свойственно принимать свою величайшую привилегию говорить на родном языке за интеллектуальное превосходство, и, поскольку спорить с ними на ломаном английском никто не берется, развеять это заблуждение удастся редко.

Доклады шли согласно программе, но после каждого выступления наш знаменитый англоязычный ученый вскакивал со своего места в первом ряду и принимался разъяснять пуб-

лике услышанное. И вот заканчивает докладчица из Италии свою речь, еще даже аплодисменты не смолкли, а он уже вскочил, забрался на сцену и говорит в микрофон буквально следующее: «Она, собственно, имела в виду...» Содержание я уже не помню, но итальянка скорчила гримасу. Заносчивость оратора и бестактность по отношению к докладчице вряд ли остались незамеченными – сегодня мы называем такое самоутверждение «менсплейнингом»².

Большинство собравшихся слушали доклады в синхронном переводе, и, возможно, именно временное отсутствие вербального сопровождения помогло им увидеть поведение этого выскочки в истинном свете. Точно так же, как в теледебатах мы гораздо лучше считываем язык тела, если выключить звук. Самозваного комментатора освистали и зашикали.

Судя по озадаченному выражению лица, такой реакции выдающийся ученый никак не ожидал. До тех пор ему казалось, что все в порядке. Сконфуженный и, возможно, пристыженный, он поспешно покинул сцену.

Я же продолжал следить и за ним, и за итальянской докладчицей, когда они уже устроились на своих местах в зале. Минут через пятнадцать ученый подошел к итальянке и предложил ей свой приемник для синхронного перевода – у нее приемника не было. Итальянка, поблагодарив, взяла приемник (хотя на самом деле, возможно, в переводе не нуждалась), тем самым подтвердив негласное примирение. Я говорю «негласное», поскольку по всем признакам о самом инциденте не было сказано ни слова. Зачастую людям достаточно обозначить доброжелательное отношение к другому участнику конфликта (улыбнуться, сказать что-то приятное) и не развивать щекотливую тему. Я не слышал, о чем они говорят, но, как потом стало известно от третьего лица, после всех докладов ученый снова подошел к итальянке и сказал: «Это я, конечно, здорово сглупил!» Вот эта достойная уважения самокритика уже вполне тянула на однозначно выраженное примирение.

Хотя универсальность разрешения конфликтов у людей получила такое великолепное подтверждение прямо там, на конференции, мой собственный доклад приняли неоднозначно. Я тогда только начинал свои исследования, и наука была еще не готова принять идею существования механизмов примирения у других видов. Сами мои выкладки вроде бы сомнений не вызывали – я подкрепил их достаточным количеством фактических данных и фотографий, – но как их расценивать, никто не знал. В то время конфликты у животных анализировали главным образом с точки зрения побед и поражений. Победа – хорошо, поражение – плохо, важно только одно: кому в итоге достанутся ресурсы. В 1970-е гг. в науке преобладал взгляд на животных как на эгоистичных участников жестокой конкурентной борьбы, не способных на подлинную доброту. Примирение, на котором я сделал акцент, в эти рамки не укладывалось. Кроме того, сам термин ассоциировался с областью эмоций, и на это тоже смотрели косо. Коллеги принялись покровительственным тоном разъяснять, что я поддался сентиментальным чувствам, которым нет места в науке. Я был еще совсем молодым и зеленым, поэтому мне можно было втолковывать, что в природе все вращается вокруг выживания и размножения, а на примирениях ни одно живое существо далеко не уедет. Уступки – удел слабых. Даже если шимпанзе и демонстрируют такое поведение, утверждали старшие коллеги, маловероятно, что им есть от него какая-то польза. И уж конечно, ничего подобного нет ни у каких других видов. Я изучаю случайные явления.

Теперь, когда позади несколько десятилетий и сотни исследований, мы знаем, что на самом деле примирение – феномен широко распространенный. Оно наблюдается у всех общественных млекопитающих – от крыс и дельфинов до волков и слонов, а также у птиц. Примирение служит восстановлению взаимоотношений, и сегодня мы сильно удивимся, если

² Mansplaining – от английских слов man (мужчина) и explaining (объяснение) – термин, принятый в среде феминисток, означает снисходительную манеру разговора, используя которую мужчина объясняет что-то женщине с помощью упрощенных формулировок, делая скидку на ее пол и ставя под вопрос ее осведомленность в теме. По сути – способ мужского самоутверждения за счет общения с женщиной с позиции интеллектуального превосходства. – *Прим. пер.*

обнаружим, что представители некоего вида социальных млекопитающих *не мирятся* после конфликта. Нам будет непонятно, почему не распадаются их сообщества. Но тогда, на конференции, я этого не знал и вежливо выслушивал поучения. Которые, впрочем, не заставили меня отказаться от своих выводов, поскольку наблюдение всегда перевесит в моих глазах любую теорию. Фактическое поведение животных всегда важнее умозрительных представлений о том, как они должны себя вести. У прирожденного наблюдателя иначе быть не может – в науке он использует индуктивный подход.

Аналогичным образом, заметив, что и у других приматов, как это написал Чарльз Дарвин в своем труде «О выражении эмоций у человека и животных» (1872), при накале эмоций мимика схожа с человеческой, вы уже не сможете обойти молчанием сходство психических состояний. Другие приматы точно так же обнажают зубы в ухмылке, издают хриплые смешки при щекотке, надувают губы, когда не получается добиться желаемого. И эти наблюдения автоматически становятся отправной точкой в ваших гипотезах. Вы можете придерживаться каких угодно взглядов на эмоции – или их отсутствие – у животных, но вам придется предложить концепцию, объясняющую использование человеком и остальными приматами одних и тех же лицевых мышц для обозначения реакций или намерений. Дарвин, разумеется, предполагал в данном случае эмоциональную преемственность между человеком и другими видами животных.

Тем не менее существует огромная разница между поведенческим выражением эмоций и осознанным или неосознанным переживанием этих состояний. Любые попытки толковать чувства животных лежат вне плоскости науки, оставаясь по-прежнему всего лишь проекциями и домыслами. Это не обязательно плохо, я и сам поддерживаю *предположение*, что родственные нам виды испытывают чувства, схожие с нашими, но все же не стоит забывать о том, насколько условно это сходство. Даже рассказывая о последней встрече пожилого профессора и старой шимпанзе Мамы за несколько дней до ее кончины, я не могу описать чувства шимпанзе. Да, знакомое поведение и эмоционально заряженная ситуация позволяют о них догадываться, но все же они от нас скрыты. Эта неопределенность всегда удручала исследователей, и именно поэтому сама область изучения эмоций зачастую представляется туманной и запутанной.

Наука не любит неточности, поэтому в том, что касается эмоций у животных, она зачастую расходится с обывательскими представлениями. Спросите человека с улицы, есть ли у животных эмоции, и вам ответят: «Конечно!» Люди видят целую гамму эмоций у своих собак и кошек и по умолчанию приписывают те же свойства остальным животным. Но задайте аналогичный вопрос университетским профессорам – многие озадаченно почешут в затылке и примутся уточнять, что вы имеете в виду. Какое, собственно, определение вы даете эмоциям? Вам могут попасться последователи американского бихевиориста Берреса Скиннера – он отстаивал механистический взгляд на животных и отрицал наличие у них эмоций, называя их «отличным примером вымышленных причин, которыми мы обычно объясняем поведение»³. Да, сегодня трудно найти ученого, начисто отвергающего эмоциональность у животных, и все же говорить о ней многим неловко.

Читателям, уже готовым обидеться за животных, которым ученые отказывают в эмоциональности, не стоит забывать, что без присущего науке скепсиса мы до сих пор считали бы Землю плоской или верили, будто личинки самозараждаются в гнилом мясе. Наука являет себя во всем великолепии именно тогда, когда ставит под сомнения сложившиеся установки. И хотя я не разделяю скептический взгляд на эмоции у животных, мне кажется, что просто констатировать их наличие – это все равно, что назвать небо голубым. От этого нам толку мало. Нам нужно знать больше. Какие именно эмоции? Как они ощущаются? Какой цели слу-

³ В. F. Skinner (1953), p. 160; Скиннер Б. Ф. Наука и человеческое поведение / Пер. А. А. Федорова, А. И. Васильева. – Новосибирск, 2017.1. ПОСЛЕДНЕЕ ОБЪЯТИЕ МАМЫ

жат? Одинаковый ли страх испытывают – если испытывают – рыба и лошадь? Поверхностных впечатлений для ответа на эти вопросы недостаточно. Вспомните, как мы исследуем внутренний мир представителей собственного вида: сажаем испытуемых смотреть видео или играть в игры, предварительно обвешав разными датчиками, считывающими сердечный ритм, кожно-гальваническую реакцию, сокращения лицевых мышц и так далее. И даже мозг сканируем. Вот и другие виды нужно изучать с такой же дотошностью.

Я люблю наблюдать за приматами в естественных условиях и за прошедшие годы посетил немало полевых станций в разных точках мира, но сделать на основе этих наблюдений полноценные выводы ни мне, ни кому-либо еще не удалось. Одна из самых эмоциональных ситуаций, при которых мне довелось присутствовать, началась с того, что шимпанзе высоко в кронах деревьев надо мной вдруг душераздирающе заверещали и заухали. Шимпанзе относятся к самым шумным животным на планете, а значит, всполошить их могло что угодно, и я с замиранием сердца дожидался разгадки. Как выяснилось, они поймали какую-то несчастную мартышку и своими воплями недвусмысленно давали понять, насколько ценна для них эта добыча. Наблюдая, как шимпанзе обступают владельца тушки и приобщаются к пиршеству, я гадал, что побуждает добытчика поделиться лакомым куском. Ему самому столько не съесть, и поэтому не жалко? Или он хочет поскорее отделаться от попрошаек, которые жалобно хнычут над ухом, не забывая робко тянуть лапу за каждым куском, который он отправляет в пасть? А может, это проявление альтруизма, и добытчик делится, понимая, что остальным тоже хочется вкусного? Узнать это лишь из визуального наблюдения невозможно. Что произойдет, если изменится степень голода добытчика или попрошайкам будет труднее просить? Проявит ли добытчик такую же щедрость? Выяснить истинные мотивы его поведения поможет лишь контролируемый эксперимент.

В работах, посвященных изучению умственных способностей, он сработал на ура. Сегодня мы уже позволяем себе говорить о психической жизни животных, всего-то сто лет ушло на эксперименты с обучением приматов знаково-символьной коммуникации – общению на простейших аналогах языка человека, с узнаванием собственного отражения в зеркале, использованием орудий, планированием будущего и способностью принять чужую точку зрения. Эти исследования пробили огромные зияющие бреши в стене, якобы отделяющей человека от всего остального царства животных. То же самое может произойти и в отношении эмоций, но для этого необходим системный подход. В идеале нам нужно объединять результаты лабораторных и полевых исследований, считая их элементами одной общей мозаики.

Пусть эмоции трудноуловимы, это бесспорно самая яркая и выразительная грань нашего существования. Они придают значимость всему происходящему. В ходе экспериментов эмоционально окрашенные изображения и истории испытуемые запоминают гораздо лучше нейтральных. Все прошлые или будущие жизненные события мы описываем с привлечением эмоциональных эпитетов. Свадьба – веселая и счастливая, похороны – горькие, футбольный матч – либо крутая игра, либо позор, в зависимости от результатов.

Тот же эмоциональный крен проявляется у нас и по отношению к животным. Размещенный в интернете видеоролик, на котором дикий капуцин колет камнем орехи, соберет гораздо меньше просмотров, чем ролик со стадом буйволов, отгоняющих львов от теленка: копытные поднимают хищников на рога, и теленку удастся вырваться из их когтей. Оба ролика производят впечатление, но за душу берет только второй. Мы на стороне теленка, мы слышим его жалобное мычание, радуемся воссоединению с матерью – и благополучно забываем, что для львов все закончилось печально.

Это еще одна характерная особенность эмоций – они лишают нас беспристрастности, побуждают принять чью-то сторону.

Помимо того что эмоции вызывают у нас живой интерес, они структурируют наше общество – до какой степени, мы зачастую не осознаем. Что движет политиком, стремящимся занять

более высокий пост, как не жажда власти, отличающая всех приматов? Что заставляет нас беспокоиться за родных и близких, как не эмоциональные узы, связывающие родителей и потомство? Что подвигло нас отменить рабство и детский труд, если не гуманность, проистекающая из стремления к социальному взаимодействию и эмпатии⁴? Не случайно Авраам Линкольн в своих призывах к отмене рабства упоминал душераздирающее зрелище, не раз виденное им в южных штатах, – группы рабов в кандалах. Наша система правосудия позволяет направить обиду и жажду мести в русло поисков справедливого возмездия, а система здравоохранения коренится в сострадании. Больницы (во многих европейских языках от латинского *hospitalis* – «гостеприимный») зарождались как странноприимные дома при монастырях, где врачебную помощь оказывали монахини, и лишь гораздо позже они стали светскими учреждениями с профессиональным медицинским персоналом. Так что, по сути, все самые дорогие нашему сердцу институты и достижения неразрывно связаны с человеческими эмоциями и без них существовать не смогут.

Осознание этого побудило меня взглянуть на эмоции животных под другим углом, увидеть в них не просто тему для исследования, но ключ к самому нашему существованию, нашим целям и мечтам, нашему четко структурированному обществу. В силу своей специализации я, разумеется, основное внимание уделяю близким к нам приматам, но вовсе не потому, что именно их эмоции я считаю заведомо более достойными изучения. Да, выражение их у приматов больше всего схоже с нашим, но эмоции присутствуют и у остальных представителей животного царства – от рыб до птиц и насекомых, и даже у моллюсков с развитым мозгом (таких как осьминог).

Лишь в отдельных случаях я буду именовать остальные виды «другими животными» или использовать по отношению к ним термин «нечеловеческие». Для простоты я зову их «животными», хотя для меня как для биолога совершенно очевидно, что мы принадлежим к одному царству. Мы все животные. И, поскольку я не считаю, что наш собственный вид кардинально отличается в эмоциональном отношении от других млекопитающих (более того, я затруднился бы выделить эмоции, присущие исключительно человеку), нам стоит пристальнее присмотреться к эмоциональным корням, которые роднят нас с другими обитателями планеты.

⁴ Эмпатия – осознанное сопереживание текущему эмоциональному состоянию другого человека, это отклик человека на чувства и состояние другого. Эмпат четко видит и понимает, что именно происходит с собеседником в данный момент (в эмоциональном плане). При этом он соизмеряет свои собственные поступки, мысли и эмоции с состоянием этого человека. – Прим. науч. ред.

1. Последнее объятие мамы

Прощание с королевой колонии

За месяц до того, как Маме должно было исполниться пятьдесят девять, и за два месяца до 80-летия Яна ван Хоффа у двух почтенных представителей рода гоминид состоялась трогательная встреча. Мама, истощенная болезнью и доживавшая последние дни, принадлежала к числу старейших в мире шимпанзе, содержащихся в неволе. Убеленный сединами, резко контрастирующими с ярко-красной ветровкой, профессор биологии ван Хофф когда-то был научным руководителем моей диссертации. Профессор и шимпанзе знали друг друга более сорока лет.

Свернувшаяся клубком в своем соломенном гнезде Мама даже не смотрит на Яна, который вторгся в спальную клетку и подступает к старой знакомой с дружелюбным уханьем. Работающим с человекообразными обезьянами часто приходится имитировать типичные для животных звуки и жесты: негромкое уханье – сигнал успокаивающий. И даже выйдя наконец из полубытья, Мама не сразу осознает, что происходит. А потом впадает в бурный восторг, увидев Яна совсем рядом. Она расплывается в широченной ухмылке, гораздо более широкой, чем у представителей нашего вида. Губы у шимпанзе невероятно гибкие и способны даже выворачиваться наизнанку, потому мы видим не только зубы и десны Мамы, но и внутреннюю сторону губ. Мама улыбается всей нижней половиной лица и издает отрывистые повизгивания – негромкие высокие звуки, связанные обычно с сильными эмоциями. В данном случае эмоции явно положительные, поскольку Мама тянется рукой к голове наклонившегося к ней Яна. Она ласково перебирает его волосы, а потом, обвив длинной рукой за шею, притягивает поближе к себе. Пальцы ее во время этого объятия ритмично похлопывают затылок и шею Яна – это успокаивающий жест, которым шимпанзе пользуются, в том числе и когда утешают хнычущего малыша.

В 2016 г. Ян ван Хофф в последний раз навещал Маму — старую самку шимпанзе, матриарха колонии, — на ее смертном одре в зоопарке Бюргерса. Расплавшись в широкой радостной ухмылке, Мама принялась обнимать профессора, которого знала сорок лет. Скончалась она через несколько недель после этой встречи

В этом вся Мама: видимо, почувствовав волнение Яна, которому пришлось вторгнуться на ее личную территорию, она дает старому другу понять, что беспокоиться не о чем. Она рада его видеть.

В обезьянах мы узнаём себя

Эта встреча – событие во всех смыслах исключительное. Хотя за время своего знакомства Яну и Маме не раз доводилось устраивать «сеансы взаимного вычесывания» через прутья решетки, ни один человек в здравом уме не войдет в клетку взрослого шимпанзе. С виду шимпанзе кажутся не очень крупными, но мышечная сила у них намного больше нашей, и рассказов о нападениях со страшными последствиями существует предостаточно. Даже у самого крупного профессионального борца-тяжеловеса нет шансов в схватке со взрослым шимпанзе. На мой вопрос, стал бы он вторгаться в клетку к какому-нибудь другому шимпанзе в этом же зоопарке, пусть даже из числа таких же давних его знакомых, как Мама, Ян ответил, что жизнь ему еще дорога. Шимпанзе настолько непредсказуемы и вспыльчивы, что считать себя в абсолютной безопасности рядом с ними может лишь тот, кто их вырастил, а у Яна такой страховки не имелось. Но слабость Мамы меняла дело. Кроме того, за прошедшие годы она неоднократно выражала доброжелательные чувства к Яну, так что оба научились доверять друг другу. Только поэтому Ян отважился в первый и последний раз вторгнуться в личные покои долго царствовавшей королевы колонии шимпанзе зоопарка Бюргерса в Арнеме (Нидерланды).

У меня с Мамой за долгие годы тоже сложились похожие отношения – собственно, это я когда-то назвал ее Мамой за ее положение матриарха колонии. Но, поскольку теперь я живу по другую сторону Атлантики, поучаствовать в прощании я не мог. С Мамой я в последний раз виделся за несколько месяцев до того. Еще издаലെка разглядев меня среди посетителей, она тут же поковыляла здороваться, преодолевая артритную боль в ногах. Пофыркивая и ухая, она подошла к разделяющему нас рву с водой и приветливо протянула мне руку. Шимпанзе живут на лесистом острове (самой обширной из всех подобных зоопарковых территорий в мире), где я еще молодым ученым провел за наблюдениями 10 000 часов. Мама знала: когда все удалятся на ночь в закрытое помещение, я приду к ее спальной клетке, чтобы пообщаться наедине.

Этой предсказуемостью наших встреч часто пользовались съемочные группы. К моему прибытию они уже стояли наготове, включив камеры и держа в фокусе Маму, которую кто-нибудь выискивал для них среди ничего не подозревающих шимпанзе. Она же неизменно занималась своими делами – вычесывалась или спала, а потом, едва заметив меня или услышав, как я ее зову, вскакивала и мчалась навстречу, громко и часто похрюкивая. Съемочная группа все это запечатлевала – и мою реакцию, и реакцию других шимпанзе из числа тех, кто тоже меня помнил. И каждый раз все поражались тому, как безошибочно Мама меня узнает и как бурно радуется.

У меня же эти съемки вызывают двойственные чувства. Во-первых, они лишают встречу старых друзей непринужденности. А во-вторых, я не понимаю, что здесь такого поразительного. Любой знакомый с шимпанзе прекрасно знает об их цепкой памяти и отличной способности к узнаванию лиц – почему же радость Мамы при моем появлении кажется нам чем-то особенным? Потому что мы не ожидаем ничего подобного от экзотического животного? Или потому что эта радость говорит о дружбе между представителями разных видов приматов? Давайте представим, что я год пробыл за границей, а потом вернулся и решил навестить соседей. За спиной у меня целая съемочная команда, готовая запечатлеть встречу, я звоню в дверь, и та распаивается под радостные возгласы: «Смотрите, кто пришел! Сколько лет, сколько зим!»

Кто-нибудь этому удивится?

Изумление, которое вызывает у нас прием, оказываемый мне Мамой, свидетельствует о невысоком мнении человека об эмоциональных и умственных способностях животных. Исследователям умственных способностей у животных с крупным мозгом не привыкать к потокам скепсиса от коллег-ученых, особенно работающих с обладателями небольшого мозга, напри-

мер крысами или голубями. Такие ученые зачастую видят в животных механизмы, построенные по типу «стимул – реакция», движимые инстинктами и простым научением, и все эти разговоры о мыслях, чувствах и долговременной памяти им ненавистны. О том, насколько устарили эти взгляды, я рассказываю в своей предыдущей книге «Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных?» (Are We Smart Enough to Know How Smart Animals Are, 2016)⁵.

Встречу Яна с Мамой сняли на сотовый телефон⁶. Когда этот ролик показали по голландскому телевидению с закадровыми пояснениями самого Яна (голос у которого прерывался от эмоций), зрители популярного ток-шоу были тронуты до глубины души. Они оставляли пространственные комментарии на сайте канала, писали Яну лично, рассказывая, как обливались слезами перед телеэкраном. Зрителей потрясла не только сама печальная ситуация – перед показом ролика было объявлено, что Мамы уже нет, – но и совершенно человеческий жест, с которым шимпанзе обнимала Яна, успокаивающе похлопывая пальцами по затылку. Эта сцена стала откровением для многих, узнавших в ней свои собственные повадки. Они впервые увидели, что жест, который кажется исключительно человеческим, на самом деле общий для всех приматов. Именно в таких мелочах эволюционные связи подчас проступают наиболее отчетливо. Кстати, эти связи присутствуют в 90 % проявлений эмоций у человека, начиная с вставшей дыбом скудной растительности на нашем теле, когда мы напуганы (мурашки, гусиная кожа), и заканчивая привычкой мужчин (и самцов шимпанзе) хлопать друг друга по спине от избытка чувств. Мы наблюдаем этот экспрессивный физический контакт каждую весну, когда шимпанзе выбираются из помещения после долгой зимы. Радуюсь траве и солнцу, они восторженно ухают, обнимаются и раздают дружеские шлепки.

В других случаях мы реагируем на очевидные свидетельства нашей эволюционной связи с человекообразными обезьянами либо насмешкой над ними (посетители зоопарка то и дело пытаются, как они думают, изобразить обезьяну, которая якобы чешет подмышки), либо бурным весельем. Мы любим посмеяться над собратьями-приматами. Когда на лекциях я показываю видеозаписи с обезьянами, аудитория встречает хохотом любые, даже самые обычные их действия. Этот смех говорит не только об узнавании, но и о неловкости, которую испытывают зрители при виде смущающего их сходства. В одном из моих самых популярных роликов, собравшем миллионы просмотров в интернете, самка капуцина обижается на то, что за выполнение задания она в награду получила менее лакомый кусочек, чем достался ее партнеру. И когда она принимается яростно трясти прутья клетки и молотить ладонью по полу, мы видим так хорошо нам знакомую реакцию досады на замеченную ею несправедливость.

Гораздо хуже смеха – отвращение, которое обычно вызывали у людей другие приматы в прошлом. К счастью, теперь такая реакция встречается реже, хотя люди по-прежнему часто называют приматов уродливыми и изумляются, когда я говорю про самку – «хорошенькая», а про самца – «красавец». В прежние времена жители Запада никогда не видели живых обезьян – только их кости да шкуру или изображения наших ближайших сородичей на гравюрах. И когда обезьяны наконец предстали перед публикой, та не поверила своим глазам. Появившийся в 1835 г. в Лондонском зоопарке самец шимпанзе щеголял в матросском костюме. Привезенную следом самку орангутана нарядили в платье. Королева Виктория, посетив зоопарк, пришла в ужас: ее покорила сам облик обезьян и их невыносимое и непозволительное сходство с человеком. Отвращение к обезьянам испытывали многие, но откуда оно бралось, если не из нежелания принять неприятную правду о нас самих, которую они нам сообщали? Посмотрев на обезьян в Лондонском зоопарке, молодой Чарльз Дарвин пришел к тому же выводу (за вычетом неприязни), что и королева. Он счел, что на этих созданий стоило бы взглянуть всем, кто считает человека венцом творения.

⁵ Де Вааль Ф. Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных. – М.: Альпина нон-фикшн, 2019.

⁶ Мама обнимает Яна ван Хоффа: www.youtube.com/watch?v=INa-oOAexno.

Наверное, телепередача, в которой Ян объяснял, как дорога была ему Мама и зачем понадобилось навещать ее на смертном одре, пробудила у зрителей все эти разнообразные эмоции. Сам же он ничего поразительного, странного и неожиданного в этой встрече не находил. Ему просто нужно было попрощаться. При этом он сохранял паритет, который нечасто увидишь, когда человек заводит «дружбу» с медведем, слоном, китом и утверждает, что животное стало ему как родное. Человек в такой ситуации чувствует глубокую привязанность, но вряд ли эти чувства взаимны. Подобные отношения – это, по сути, потенциальное парное самоубийство, поскольку человек в них играет с огнем, и животному, которое в случае гибели человека окажется крайним, тоже несдобровать.

Один журналист, очарованный самцом шимпанзе в заповеднике, говорил, что разглядел в глубине его глаз свое неизвестное эволюционное прошлое и невольно задумался о собственном месте в мире. Однако желая польстить обезьянам этим признанием, журналист, сам того не осознавая, продемонстрировал высокомерие. Ныне живущие человекообразные обезьяны – это не машина времени, призванная возвращать нас к эволюционным истокам! Хоть мы и в самом деле происходим от обезьяноподобного предка, тот древний вид давным-давно вымер. Его представители жили на нашей планете около 6 млн лет назад, а их потомки претерпели множество изменений и, постепенно исчезая с лица земли, дали начало современным видам – шимпанзе, бонобо и человеку. Поскольку у всех трех гоминид одинаково давняя эволюционная история, они одинаково «развиты». Поэтому не только мы, глядя на человекообразную обезьяну, видим в ней отражение нашего общего прошлого, но и обезьяна может видеть его в нас. Если обезьяны служат для нас машиной времени, то и мы служим машиной времени для них.

У Яна с Мамой ничего подобного не наблюдалось. То, что они принадлежали к разным видам, отступало у них на второй план. Это была встреча между двумя давними знакомыми из родственных видов, уважающими друг друга как личность. Если рядом с кроликом или собакой нам легко ощущать умственное превосходство, то на человекообразную обезьяну, мне кажется, долго смотреть свысока невозможно. Их социальная и эмоциональная жизнь настолько схожи с нашими, что непонятно, где проводить границу.

Канадский ученый Дональд Хебб, известный как основоположник нейropsychологии, заметил размытость этих границ, когда работал с шимпанзе в Национальном центре изучения приматов Йеркса (сейчас находится под Атлантой, но в 1940-е гг. располагался во Флориде). Хебб пришел к выводу, что поведение шимпанзе нельзя втиснуть в узкие рамки категорий, на которые мы дробим поведение других животных, – поиски пищи, груминг, спаривание, драки, звуковые сигналы, жесты и так далее. Мы фиксируем отдельные действия в мельчайших подробностях, но что стоит за поведением в целом, нам определить трудно. По мнению Хебба, было бы гораздо продуктивнее классифицировать поведение человекообразных обезьян в эмоциональной плоскости, поскольку эмоции мы схватываем интуитивно:

Объективная категоризация упускает то, что удается ухватить более расплывчатым эмоциональным и тому подобным категориям – некую систему, взаимосвязь между отдельными поступками, без учета которой невозможно понять поведение⁷.

Хебб намекал на господствующее в биологии представление о том, что эмоции управляют поведением, но в отрыве от него довольно бесполезны: испуг сам по себе никакой выгоды живому существу не дает. Вот если испуг побуждает бежать, прятаться, атаковать – тогда он может спасти жизнь. То есть, если в двух словах, эволюционное развитие эмоций шло за счет способности вызывать адаптивные реакции на опасность, соперничество, возможность спари-

⁷ Donald O. Hebb (1946), p. 88.

вания и так далее. Эмоции завязаны на действии. У нашего вида так много общего в эмоциональной сфере с другими приматами, потому что поведенческий репертуар у нас примерно одинаков. Это сходство, выраженное также и в строении организма, дает нам основу для теснейшей невербальной связи с другими приматами. Поскольку наши тела идеально проецируются друг на друга, до взаимопонимания нам буквально рукой подать. Именно поэтому Ян и Мама общались на равных, а не как человек и животное.

Вы можете возразить, что ни о каком равенстве между свободным человеком и содержащейся в неволе обезьяной говорить не приходится. Справедливое замечание. Но Мама, появившаяся на свет в Лейпцигском зоопарке в 1957 г., не имела ни малейшего представления о жизни в дикой природе. Зато ей повезло попасть в крупнейшую в мире колонию шимпанзе. Почти полтора века с той поры, как первые живые представители обезьяньего племени так возмутили британскую королеву, шимпанзе в зоопарках селили порознь или небольшими группами. Считалось, что шимпанзе слишком агрессивны, поэтому в группе может быть лишь один взрослый самец, хотя в естественной среде в стаде порой насчитывается более десятка половозрелых мужских особей. В студенчестве Ян немало времени провел на одной американской базе в Нью-Мексико, где НАСА готовило молодых шимпанзе к полету в космос. Там он своими глазами увидел все преимущества и недостатки содержания обезьян в большой группе. Недостатки и проблемы проистекали из способа раздачи корма: служители сваливали все овощи и фрукты в одну кучу, провоцируя тем самым нешуточные битвы, рвущие все социальные связи в колонии. Примерно в то же время аналогичный урок получила Джейн Гудолл в своем танзанийском «банановом клубе» – после этого она диких обезьян уже не подкармливала.

Вдохновленный американским опытом, Ян вместе со своим братом Антоном – директором зоопарка Бюргерса – решил устроить там общежитие для шимпанзе, но кормить всех отдельно или в мелких семейных группах. Так в начале 1970-х гг. и была основана колония в Арнеме – около двадцати пяти шимпанзе, живущих на открытом воздухе на острове площадью примерно в гектар. Вопреки мрачным прогнозам специалистов, предрекавших предприятию провал, колония процветает, и за время существования в ней родилось больше здоровых детенышей, чем в любой другой. Популяции человекообразных обезьян в лесах Африки и Азии сейчас резко сокращаются, поэтому колонии приматов в зоопарках приобретают особую ценность. Колония в Арнеме была (и остается) примером успеха и образцом для зоопарков по всему миру.

Так что Мама прожила – хоть и не на свободе – долгую насыщенную жизнь в собственной социальной вселенной, где хватало и рождений, и смертей, и совокуплений, и драматической борьбы за власть, и дружбы, и семейных уз, и все прочего, из чего складывается социум у приматов. Может быть, Мама и связывала приход Яна со своей болезнью и слабостью, но догадывалась ли она, что дни ее сочтены? Осознают ли обезьяны свою смертность?

Судя по шимпанзе Рео из японского Института изучения приматов при Киотском университете, осознание смерти у них отсутствует. Из-за воспаления спинного мозга у молодого и сильного самца парализовало все тело ниже шеи – есть и пить он мог, но конечности и торс утратили подвижность. Несмотря на круглосуточную заботу ветеринарных врачей и студентов в течение полугода Рео неуклонно терял в весе. В конце концов болезнь отступила, однако нам этот случай интересен не столько победой, сколько тем, как Рео воспринимал паралич, приковавший его к постели. Его отношение к жизни нисколько не изменилось. Даже когда состояние его казалось безнадежным – всем, кроме него самого, – он как ни в чем не бывало по-прежнему дразнил студентов, плюясь в них водой. Превратившийся в живой скелет шимпанзе явно ни о чем не беспокоился и в уныние не впадал⁸.

⁸ Tetsuro Matsuzawa (2011).

Иногда нам кажется, что другие животные чувствуют приближение смерти – например, корова, которую ведут на бойню, или домашний питомец, пропадающий из вида за несколько дней до кончины. Однако во многом это наша проекция, основанная на *нашем* осознании происходящего. Имеется ли такое же осознание у животных? Кто скажет наверняка, что кошка, прячась перед смертью в подвале, понимает, как мало ей осталось? Может быть, она просто обессилена, измучена болью и хочет скрыться от всех. Точно так же и с Мамой: мы прекрасно видели, что физически она уже на пороге смерти, но никогда не узнаем, ощущала ли она это.

К тому времени Маму изолировали в ее «спальне», потому что самцы шимпанзе, особенно подростки, нередко глумятся над слабыми, видя в них легкую добычу. Сотрудники зоопарка хотели оградить умирающую Маму от подобной участи. Сообщество шимпанзе не жалуется слабых и робких, и именно поэтому так впечатляет главенство, которое Мама удерживала всю свою жизнь.

Главенствующая роль Мамы

Мама отличалась на редкость могучим сложением – ширококостная, с длинными мощными руками. Во время демонстраций угрозы, топая ногами, со вздыбленной шерстью, она являла собой весьма устрашающее зрелище. Конечно, она не могла тягаться с самцами ни мышечной массой, ни густотой шерсти – особенно на плечах, где самцы ее топорщат, чтобы выглядеть внушительнее. Но недостаток физической мощи Мама компенсировала напором. Все знали ее фирменный резкий удар по металлической двери в загон. Упершись широко расставленными кулаками в землю, она раскачивалась на руках и с оглушительным грохотом ударяла обеими ступнями в дверь. Это означало, что Мама на взводе и с ней лучше не шутить.

И все же Мама доминировала не столько за счет физического воздействия, сколько за счет силы характера. Она держалась как суровая бабушка, которая прожила жизнь и глупостей не потерпит. Мама внушала такое уважение, что, впервые встретившись с ней взглядом, я почувствовал себя ниже ростом, хотя глаза наши находились на одном уровне. Она имела обыкновение степенно кивнуть знакомому, давая понять, что заметила. Ни у одного из представителей других видов, кроме человеческого, я не наблюдал такой мудрости и величия. В ее взгляде читалось сдержанное дружелюбие – готовность понимать и принимать вас (если не будете ее злить). У нее даже чувство юмора имелось. Обычно смеющуюся физиономию у шимпанзе можно заметить, когда они затевают шуточную возню, но я видел подобное и в таких комичных ситуациях, когда, скажем, альфа-самец убегает в притворном страхе от обиженного детеныша. Улепетывая от верещащего маленького чудовища, самый авторитетный самец колонии строит смеющуюся физиономию, как будто его самого забавляет нелепость происходящего. И вот Мама как-то раз отреагировала аналогичной ухмылкой на совершенно неожиданное разрешение напряженного конфликта – как мы реагируем, когда до нас дойдет соль анекдота.

Один мой коллега, Маттейс Схилдер, проверял реакцию шимпанзе на хищников. Надев маску пантеры, он незаметно для испытуемых спрятался в зарослях у водяного рва, окружавшего обезьяний остров, а потом внезапно высунул голову в маске, и обезьяны оказались нос к носу с засевшей в кустах пантерой. Бдительные и чуткие, шимпанзе мгновенно подняли боевую тревогу – с громким сердитым лаем они ринулись закидывать противника палками и камнями. (Такая же реакция, кстати, отмечена у диких шимпанзе, которые отчаянно боятся леопардов ночью, но донимают их днем.) Маттейс, с трудом уворачиваясь от прицельно запущенных снарядов, спешно перебрался в другое укрытие.

После нескольких таких стычек он выпрямился в полный рост и, сняв маску, явил обезьянам свое настоящее, знакомое им лицо. Обитатели колонии сразу же успокоились. Но только у одной Мамы выражение постепенно сменилось с гневного и встревоженного на то самое смеющееся, когда рот полуоткрыт, но зубы не оскалены. Эта выразительная, отнюдь не мимолетная усмешка позволяла предположить, что до Мамы дошел комизм устроенного Маттейсом маскарада⁹.

Благодаря умению одинаково хорошо ладить и с самцами, и с самками, Мама обзавелась внушительной группой поддержки, не имеющей себе равных, – она была прирожденным дипломатом. При этом она охотно поддерживала других: в борьбе за власть между самцами Мама не только принимала сторону одного из соперников, но и не давала ни одной из самок встать на сторону другого. Самке, которая в стычках самцов вступалась за «неправильного» претендента, позже могло сильно влететь от Мамы. Она брала на себя роль «парламентского организатора», обеспечивая тыл «своему» кандидату.

⁹ Otto Adang (1999), p. 116.

Исключение она сделала только одно – для своей подруги Кёйф, которая упоминалась в моих предыдущих книгах под именем Горилла, полученным за черную окраску лица. На этом сходство с гориллой и заканчивалось: Кёйф обладала куда более хрупким и изящным телосложением, чем у Мамы. Они родились в одном зоопарке, и у них с самого начала сложился прочный и мощный союз, который продержался до самой смерти Кёйф, скончавшейся на несколько лет раньше подруги. Я ни разу не наблюдал даже тени разногласий между этими двумя самками. Они часто занимались взаимным вычесыванием и всегда выручали друг дружку в беде. Кёйф единственная из всех самок могла безнаказанно противиться воле Мамы. За предпочтение, отдаваемое самцу, которого Мама не жаловала, Кёйф не поплатилась ни разу – Мама как будто ничего не замечала. В остальном Мама и Кёйф обычно действовали сообща. Если сцепишься с одной, на подмогу тут же примчится вторая, и это знали все, включая самцов, которые на собственной шкуре убедились, что с двумя разъяренными самками им не справиться. Мама и Кёйф стояли друг за друга горой, а после крупных передраг в буквальном смысле рыдали одна у другой на груди.

На Маме держалось все, причем не только в колонии. Она брала на себя роль посредника между обезьянами и нами, людьми. Ни одна другая шимпанзе не выстраивала такие прочные связи с теми, кто ей нравился или кого она считала важной персоной – к директору зоопарка, например, она относилась с большим уважением. Со мной Мама тоже общалась в основном по собственной инициативе, и мы часто устраивали сеансы взаимного вычесывания через прутья спальной клетки, которую она делила с Кёйф. Но если Маму я мог не опасаться, с Кёйф приходилось держать ухо востро, потому что время от времени она любила меня провоцировать, проверяя на прочность. Шимпанзе ведут постоянную игру, пытаясь выяснить, кто доминирует, не уставая прощупывать границы. Иногда Кёйф пыталась схватить меня через прутья – пристроившись рядом с Мамой, которая прикрывала ее собой. Самая лучшая стратегия в таких случаях – сохранять спокойствие и делать вид, что ничего не замечаешь, иначе конфликт пойдет по нарастающей. За последующие годы мои отношения с Кёйф ощутимо наладились – я стал ее главным любимцем среди людей, после того как помог ей вырастить первого выжившего детеныша.

До тех пор все ее новорожденные детеныши, увы, гибли из-за недостаточной лактации – умирали от истощения, не насыщаясь материнским молоком. После каждой такой потери Кёйф впадала в глубокую депрессию, при которой раскачивалась на месте, обхватывала себя руками, отказывалась от еды и издавала душераздирающие вопли. Было даже что-то вроде слез: хотя считалось, что другие приматы, кроме человека, плакать не способны, Кёйф энергично терла глаза кулаками, как делают дети, когда наревутся. Может, конечно, глаза у нее просто-напросто засорились, но почему-то происходило это именно при таких обстоятельствах, на которые человек реагирует слезами.

Видя, как мучительно переживает Кёйф гибель каждого детеныша, я решил, что следующего помогу ей выкормить из бутылочки. Но здесь возникала проблема: матери у человекообразных обезьян – большие собственницы, поэтому вряд ли Кёйф позволит нам забрать новорожденного. Значит, Кёйф придется кормить малыша из бутылочки самой. Замысел был дерзкий, никто прежде ничего подобного не пробовал.

Выход нашелся, когда очередной новорожденный в колонии появился на свет у глухой самки. Все детеныши у нее тоже гибли в младенчестве, поскольку она не различала те едва слышные сигналы, которыми малыши дают знать о себе и своем самочувствии – хорошем или плохом. Так, глухая самка может сесть на детеныша и раздавить, не услышав его отчаянного хныканья. И вот, чтобы предотвратить очередную потерю, а эта самка переживала каждую так же тяжело, как Кёйф, мы отважились забрать у нее новорожденную, получившую имя Розье («Розочка»), и отдать на попечение Кёйф. Но первые недели малышку нянчили мы сами,

параллельно обучая Кёйф обращаться с бутылочкой. Наконец мы положили извивающегося детеныша на солому в спальне Кёйф.

Я научил шимпанзе Кёйф кормить ее приемную дочь Розье из бутылочки. Кёйф блестяще освоила этот способ кормления и не забывала время от времени убирать бутылочку, чтобы дать Розье вздохнуть или срыгнуть

Та не стала сразу подхватывать малышку на руки, а подошла к решетке, за которой мы со служительницей дожидались развития событий. Поцеловав нас обоих, Кёйф посматривала

то на нас, то на Розье, словно спрашивая разрешения. Хватать чужих младенцев без спроса у шимпанзе не приветствуется. Мы замахали руками, показывая, что да, можно, бери скорее! В конце концов Кёйф послушалась и с этого момента вела себя как самая заботливая мать, которую только можно представить, полностью оправдав наши надежды. С кормлением она справлялась виртуозно и даже приноровилась делать то, чему мы ее не учили – убирать бутылочку, когда Розье требовалось срыгнуть.

С тех пор как мы отдали ей Розье, Кёйф при каждой встрече осыпала меня знаками любви и признательности. Она радовалась мне, будто дорогому родственнику, с которым давно не виделась, норовила схватить за обе руки и горестно причитала, когда я собирался уходить. Ни одна другая обезьяна в мире такого не делала. Научившись обращаться с бутылочкой, Кёйф получила возможность выкормить не только Розье, но и собственных детенышей. И за этот поворот в своей жизни она оставалась бесконечно нам благодарной, поэтому у спальной клетки Мамы и Кёйф меня всегда ждал самый теплый прием.

Необычным характером этих отношений объясняется и то, что при рассказе об этом я упоминаю целый спектр эмоций – от печали и любви до признательности и преклонения, поскольку все это я переживал в процессе общения с ними. Как водится у людей и как рекомендовал Хебб применительно к обезьянам, мы часто описываем поведение через призму стоящих за ним эмоций. Однако в своих исследованиях я стараюсь воздерживаться от таких характеристик, поскольку из объективного анализа их поведения свои личные впечатления лучше исключить. Один из очевидных способов это сделать – документировать, как обезьяны ведут себя друг с другом, а не с нами. Поскольку основной темой моего исследования были политические взаимоотношения в колонии, сбором этих данных я в основном и занимался. Мой проект был посвящен иерархическому соперничеству между самцами, посреднической роли доминирующих самок (Мамы, в частности) и разным способам разрешения конфликтов.

Таким образом, огромное внимание я уделял социальной иерархии и власти – вопросам на удивление одиозным для 1970-х гг., когда были популярны идеи хиппи. В студенчестве мои ровесники были анархистами и рьяными демократами, не доверяли университетским властям (которых презрительно звали «мандаринами», как чиновников в Китайской империи), ревность считали пережитком и к любым амбициям относились с подозрением. Тогда как в колонии шимпанзе, за которой я наблюдал изо дня в день, с лихвой хватало всех этих «реакционных» тенденций – и борьбы за власть, и амбиций, и ревности.

Для патлатого юнца, вскормленного розовым сиропом из песен вроде Strawberry Fields Forever и Good Vibrations, это было время ошеломляющих жизненных открытий. При первом знакомстве со своими ближайшими родичами меня как человека потрясло наше сходство: через эту фазу – «Если это животное, кто же тогда я?» – проходит каждый приматолог. Однако потом мне, как истинному хиппи, пришлось обеспокоиться проблемами того самого поведения, которое мое поколение массово порицало, но которое было типичным у обезьян. В результате я не стал хуже думать о них, зато начал лучше понимать собственных соплеменников.

Помог мне в этом базовый инструмент любого наблюдателя – распознавание различных форм поведения. Я начал подмечать и подковерную борьбу за иерархические позиции, и формирование коалиций, и лизоблюдство, и политический оппортунизм – в собственном окружении. Причем не только у старших поколений. В протестующей студенческой среде тоже имелись альфа-самцы, борьба за власть, подпевалы и ревность. Собственно, чем «свободнее» становились связи, тем выше «зеленоглазое чудовище» поднимало свою безобразную голову. Наблюдения за обезьянами обеспечили мне взгляд со стороны, необходимый для объективного анализа таких паттернов поведения, которые – если знать, на что обращать внимание, – видны как на ладони. Студенческие вожаки осмеивали и изолировали потенциальных соперников, напропалую отбивали чужих подружек – и одновременно проповедовали всеобщее равенство

и терпимость. Между желаемым – светлым образом поколения, рисуемым пламенными политическими речами, – и действительностью лежала огромная пропасть. А мы ее отрицали!

Мама, по крайней мере, никого в заблуждение не вводила: у нее имелась власть, она этой властью пользовалась. Поначалу она даже доминировала над тремя взрослыми самцами, которых подселили в колонию на позднем этапе. Трое новеньких оказались в заведомо невыгодном положении, и завоевывать позиции в уже сложившейся иерархии им было нелегко. Мама строила всех по струнке, не стесняясь применять грубую силу. При этом она наносила даже больше увечий, чем доминирующие самцы в аналогичной ситуации – возможно, самке, чтобы удержаться у власти, приходится действовать жестче. Впоследствии самцы-новички достигли высоких рангов и тогда уже играли в привычные игры, борясь за власть между собой, а Мама осталась невероятно влиятельной предводительницей самок. Любому самцу, вознамерившемуся повысить статус, требовалось привлечь на свою сторону Маму, иначе все усилия шли прахом. Все они вычесывали Маму чаще, чем остальных самок, ласково тискали и щекотали ее маленькую дочку Моник (которая вела себя как избалованная принцесса) и не сопротивлялись, когда она вырывала у них еду прямо из рук. Самцы знали, что терять благосклонность Мамы нельзя.

Маме отлично давалось посредничество. Зачастую два соперничающих самца никак не могли помириться после стычки, хотя вроде были бы и не прочь это сделать. Они ходили друг вокруг друга, но сблизиться не решались. Зрительного контакта избегали. Стоило одному поднять глаза, другой тут же хватал травинку или прутик и принимался изучать с внезапно вспыхнувшим интересом. Прямо как двое повздоривших в баре, у которых не получается разойтись по-хорошему.

В такой ситуации Мама подсаживалась к одному из соперников и начинала его вычесывать. Потом неторопливо направлялась ко второму. Первый нередко шествовал за ней, держась почти вплотную за ее спиной, чтобы исключить зрительный контакт с соперником. Если первый не шел, Мама возвращалась и сама тянула его за руку за собой, то есть посредничество ее было намеренным. Посидев какое-то время между этими двумя, Мама вставала и удалялась, оставляя самцов вычесывать друг друга.

В других случаях к Маме неслись дерущиеся самцы, которые не могли сами прекратить затянувшуюся схватку. Тогда Маме приходилось вставать, словно рефери в боксе, между двумя здоровыми взрослыми шимпанзе, которые вопили друг на друга, но хотя бы уже не нападали. Если один все равно порывался сцапать другого, Мама тут же обращала неутомимого в бегство. После этого самцы обычно мирились – устраивая псевдосовокупление, целуясь и лаская гениталии друг друга, – а потом сбрасывали напряжение, гоняя кого-нибудь из низкоранговых самцов.

Наиболее отчетливо роль Мамы как непревзойденной примирительницы проявилась в одном драматичном происшествии. На вершине иерархии укрепился новоиспеченный альфа-самец Никки, но все его попытки доминировать встречали яростный отпор у остальных. Статус альфы вовсе не означает, что обладателю – тем более юнцу вроде Никки – теперь все позволено. В конце концов разгневанные обезьяны – включая Маму – погнали его толпой, с громкими воплями и лаем. Никки, тут же растеряв весь гонор, забрался высоко на дерево и сидел там один, охваченный паникой и верещал от ужаса. Все пути отступления были отрезаны. Когда он пытался спуститься, его тут же загоняли обратно.

Примерно через четверть часа на дерево неспешно вскарабкалась Мама. Она коснулась Никки рукой, поцеловала его и спустилась на землю – Никки следовал за ней по пятам. Вот теперь на него никто не накинулся, и Никки, явно еще не отошедший от пережитого, помирился с противниками.

Альфа-самцы редко пробиваются к вершинам власти самостоятельно, и Никки не был исключением. Занять верховную позицию ему помог самец постарше – Йерун, а значит, пор-

тить отношения с этим союзником Никки не стоило. Мама, судя по всему, этот расклад понимала, поскольку активно вмешалась, когда эти двое все-таки повздорились. Йерун собрался спариться с сексуально привлекательной самкой, но Никки немедленно вздыбил шерсть и начал раскачивать верхнюю часть корпуса, предупреждая, что готов вмешаться. Йерун бросил ухаживания и с воплем помчался за Никки. И хотя доминировал в этой паре Никки, руки у него были связаны: лезть в драку с тем, кто возвел тебя на престол, себе дороже. Тогда, почуввав удачную возможность, их общий соперник – самец, которого они с престола спихнули, – принялся вышагивать вокруг с угрожающим видом. Вот в этот-то критический момент Мама взяла дело в свои руки. Направившись сначала к Никки, она вложила ему палец в рот – распространенный жест успокоения. Одновременно она нетерпеливым кивком подозвала Йеруна, протягивая ему вторую руку. Йерун приблизился и поцеловал ее в губы. Тогда Мама отступила в сторону, Йерун оказался лицом к лицу с Никки и обнял его. Помирившиеся самцы плечом к плечу двинулись на общего соперника, подчеркивая тем самым восстановление союза. После этого все успокоилось. Мама пресекла хаос в группе на корню, в буквальном смысле восстановив правящую коалицию.

В этом примере отражено явление, которое я называю «тройственное осознание», – умение разбираться в отношениях, куда мы лично не включены¹⁰. Многие животные явно в курсе, над кем доминируют они сами и кто составляет их непосредственную семью и друзей, но шимпанзе продвинулись еще дальше: они видят, кто над кем доминирует и кто с кем дружит в их окружении. То есть особь А осведомлена не только о собственных взаимоотношениях с В и С, но и об отношениях между В и С. Ее осведомленность распространяется на весь треугольник. Соответственно, Мама наверняка осознавала степень зависимости Никки от Йеруна.

Тройственное осознание может распространяться и за пределы группы, о чем свидетельствует реакция Мамы на директора зоопарка. Почти не контактируя с ним напрямую, она могла заметить, как начинают суетиться служители при его появлении, и уловить их почтительное к нему отношение. Человекообразные обезьяны считывают и усваивают информацию – как мы, когда выясняем, кто на ком женат или где чей ребенок. Экспериментаторы выясняли, как животные воспринимают свое социальное окружение, проигрывая им записи голосовых сигналов и демонстрируя видео. Эти исследования показывают, что тройное осознание свойственно не только человекообразным обезьянам – оно наблюдается и у других обезьян, а также, например, у врановых. Однако Мама достигла в этом величайших высот и обладала непревзойденным социальным чутьем. Ее главенство в колонии было обусловлено способностью поддерживать мир и улавливать политические хитросплетения – именно благодаря этой способности Мама восстанавливала распадающиеся союзы и гасила вспыхивающие конфликты.

¹⁰ Эту ситуацию можно обозначить формулой: я знаю, что ты знаешь, что он знает. – *Прим. науч. ред.*

Альфа-самка

История человечества знает множество альфа-самок – от Клеопатры до Ангелы Меркель. Но меня поразил самый обыкновенный житейский пример, попавшийся в изданной в 2016 г. автобиографии Брюса Спрингстина «Рожденный бежать» (Born to Run). Молодой гитарист Спрингстин мотался с группой The Castiles по третьесортным клубам Нью-Джерси, в том числе по таким, где тусовались подростки-гризеры – «бриолинщики» с напомаженными коками. Вот там, в компании девиц с начесами, музыканты и столкнулись с доминированием Кэти:

Приходишь, ставишь аппаратуру, начинаешь играть <...> а все как будто каменные, никто даже не шелохнется. И вот так где-то час – все напряженно оглядываются на Кэти. Потом вдруг случайно попадаешь на какую-то правильную песню, Кэти поднимается и начинает танцевать, как будто в трансе, и подружку за собой вытаскивает. Еще пара минут, и перед сценой яблоку негде упасть – вот теперь мы уходим в отрыв. Этот ритуал повторялся из раза в раз. Мы ей нравились. Постепенно мы вычислили ее любимые песни и зажигали по полной¹¹.

Хотя у людей иерархия бывает довольно явной, мы тем не менее опознаем ее не всегда, а ученые зачастую делают вид, будто ее и вовсе не существует. На иных конференциях, посвященных поведению человеческих подростков, можно ни разу не услышать слова «власть» и «секс», хотя, в моем понимании, вся жизнь подростка только вокруг них и вертится. Когда я об этом заговариваю, все обычно кивают, думая: «Какой на удивление свежий взгляд у этих приматологов», – и вновь пускаются радостно обсуждать самооценку, внешний вид, управление эмоциями и склонность к риску. Между наблюдаемым человеческим поведением и новомодными психологическими конструктами социология всегда выбирает второе. И все же у подростков нет занятий более очевидных, чем исследование сексуальной сферы, проверка границ власти и стремление понять, как все устроено. Скажем, группа Спрингстина всеми силами пыталась угодить Кэти и завоевать ее симпатии, но при этом действовать приходилось с величайшей осторожностью. Поскольку на заднем плане маячили парни-гризеры, чрезмерное внимание девушек могло дорого обойтись музыкантам – «одно словцо, один слушок, один намек на что-то большее, чем дружба, и тебе не поздоровится».

Все как и положено приматам.

У шимпанзе самки-подростки тоже провоцируют конкуренцию среди самцов и добиваются покровительства. До подросткового возраста на них почти не обращают внимания: они присматривают за чужими малышами и играют с ровесниками обоих полов, но до них никому нет дела. Однако стоит обозначиться первому едва заметному набуханию, и самцы уже не сводят с них глаз. Розовое вздутие на задуд увеличивается с каждым менструальным циклом – а с ним и половая активность самки. Поначалу самкам-подросткам плохо удается привлекать самцов к спариванию и успех они имеют только у ровесников. Но чем крупнее становится набухание, тем больше они начинают интересовать старших самцов.

Любая юная самка быстро усваивает, какую выгоду из этого можно извлечь. В 1920-е гг. Роберт Йеркс, один из американских основоположников приматологии, проводил эксперименты в области «супружеских», как он их назвал, отношений у человекообразных обезьян (название неудачное, поскольку постоянные межполовые союзы шимпанзе не образуют). Бросая арахис самцу и самке, оказавшимся близко друг к другу, Йеркс установил, что набухание – это крупный козырь, дающий самке весомое преимущество перед остальными. Арахис неиз-

¹¹ Bruce Springsteen (2016), p. 78.

менно забирали самки с набухшими гениталиями¹². В дикой природе самцы делятся охотничьей добычей именно с такими сексуально привлекательными самками. Собственно, само присутствие этих самок побуждает самцов охотиться активнее, поскольку удачная охота открывает перед ними широкие возможности для спаривания. Низкоранговый самец, поймавший мартышку, автоматически становится магнитом для противоположного пола, получая шанс спариться в обмен на долю добычи – пока его не застукать кто-нибудь из самцов рангом повыше.

¹² Robert Yerkes (1941).

О готовности самки к спариванию свидетельствует похожее на розовый воздушный шарик вздутие у нее на зад — набухшая кожа внешних половых органов. Оно хорошо заметно и сразу привлекает внимание самцов. После первого же набухания самки-подростки сразу повышаются в статусе и познают преимущества сексуальной привлекательности

Может показаться странным, что самцы шимпанзе находят набухание привлекательным, ведь большинству из нас на это ярко-розовое вздутие смотреть довольно противно. Но так ли в принципе отличается реакция самцов на набухание от привычной для человеческих мужчин реакции на женскую грудь? При этом соблазнительность мясистых выростов на передней части корпуса еще более загадочна, поскольку, в отличие от набухания у самок шимпанзе, они даже о готовности к оплодотворению не сигнализируют. Однако по мере увеличения размера груди — зачастую не без помощи приподнимающих грудь бюстгальтеров пуш-ап — девушка притягивает

мужские взгляды все сильнее. Она познает могущество своего декольте, которое обеспечивает ей небывалую популярность у мужчин, а женщинам дает повод для зависти и злословия. Этот сложный период в жизни девушки, полный эмоциональных бурь и комплексов, отражает то же самое взаимодействие власти, секса и соперничества, через которое проходят самки-подростки у человекообразных обезьян.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.